

УДК 821.511.131

*Л.А. Дмитриева***«УДМУРТИЗМЫ» В РУССКОЯЗЫЧНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ КАК МАРКЕРЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА МЫШЛЕНИЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ И АВТОРА (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ КЕДРА МИТРЕЯ «ДИТЯ БОЛЬНОГО ВЕКА»)**

В автобиографической повести Кедр Митрея «Дитя больного века» (1911) тема национального раскрывается представителями разных социальных слоев – крестьянином и интеллигентом. Объективность повествования от первого лица создается путем введения различных точек зрения, которые автобиографический герой излагает в разных жанрах – письмах, дневниковых записях, вставных рассказах. Повествователь-интеллигент противопоставляет себя крестьянству, однако его позиция соединяет в себе черты разных мировоззрений, поэтому взгляд человека традиционной культуры остается доминирующим.

Удмуртские слова, предложения, устойчивые выражения включены в речь персонажей и повествователя. Мы показали, как грамматический строй удмуртского языка влияет на построение предложений и словообразование. Полный текст повести еще не опубликован, поэтому в некоторых случаях приводятся цитаты из рукописи произведения и из других архивных материалов писателя.

Ключевые слова: национальное, речевая характеристика, художественная речь, «удмуртизмы», синтаксис, стиль, точка зрения.

Литературная деятельность Кедр Митрея (Д.И. Корепанова), основоположника удмуртской прозы, началась до 1917 г. Свои первые рассказы на удмуртском языке он публиковал в рукописном семинарском журнале «Сандал» («Наковальня»), но первым серьезным трудом стала автобиографическая повесть «Дитя больного века» (1911), написанная на русском языке. При создании автобиографической повести Кедр Митрей руководствовался задачей «выставить возможно точнее, цельнее характер инородца-вотняка при воспитании в семье и школе» [4. Л. 356]. Эта задача свидетельствует о стремлении писателя раскрыть «инородческую» тему в русской литературе путем воспроизведения ее восприятия представителем удмуртского народа. Однако при жизни автора повесть не была опубликована.

В автобиографической повести тема национального раскрывается двумя субъектами сознания: крестьянином-удмуртом и образованным человеком, заинтересованным в изучении культуры своего народа. Точка зрения повествователя изменяется по ходу повествования – об этом свидетельствует и предисловие автора: «Желание мое при этом не заботиться об искусственности, не исправлять раз написанное, но только просмотреть впоследствии, в каком порядке текли мои мысли и как они сформированы»¹ [3. Л. 2]. События в повести описываются с разных временных позиций; вводятся письма, отрывки из дневника, вставные рассказы, повествующие о различных историях из жизни персонажей.

Мировосприятие Мити Корепанова, изображенного в детские годы, до поступления в семинарию, типично удмуртское, крестьянское: герой суверен и религиозен. Когда автобиографический герой сознательно начинает дистанцироваться от крестьянского мира, причисляя себя к интеллигенции, он описывает жизнь удмуртского села не изнутри, а извне, что свидетельствует о дистанцированности от этого мира. В повести доминирует точка зрения интеллигента, она влияет на отбор и интерпретацию фактов при описании детства автобиографического героя: «Мать предварительно предупредила, чтобы никто не начал [жать. – Л.Д.] до нее, – а отца не было тут с нами – сначала же помолимся. Она принялась читать вотские молитвы, а я, не дождавшись её, принялся жать. Раз, раз, раз!.. Ничего дело идет» [3. Л. 19 об.]. Однако осознание совершенного дерзкого кощунственного поступка помешало крестьянскому мальчику сосредоточиться, и он поранил себя: «Еще раз и вдруг... больно стало. Смотрю: ах, чорт возьми, порядком же я хватил палец» [3. Л. 19 об.]. Обычная детская шалость представляется как поступок атеиста, именно так повествователь изображает Митю Корепанова, хотя он и происходил из религиозной семьи и до четырнадцати лет «был беда какой набожный» [6. С. 9]. Атеизм автобиографического героя является вывернутым наизнанку религиозным фанатизмом, ибо он остается человеком традиционной культуры. При этом сам повествователь осознает, что герой впал в очередную крайность. Вопрос о вере в Бога для героя остается нерешенным, его мировоззрение показывается в развитии.

¹ Здесь и далее сохранена орфография автора – Л.Д.

Автобиографический герой, семинарист Митя Корепанов, сын крестьянина, поступает именно так, как необходимо вести себя, по его мнению, представителю некрестьянского социального слоя – интеллигенции. Он воспитанник учительской семинарии, которая готовит учителей для инородческих школ. Его будущая миссия – просвещать крестьян на их родном языке. Он внимательно наблюдает жизнь общины удмуртского села, замечает ее социальные пороки (пьянство, половую распущенность): «...Найдут какой-нибудь клочек общественной земли и крикнет кто-либо: давай местечко это продадим! Соблазн большой – удастся выпить и дело решено. Притащут четверть вина, а большею частью бывает ведро, созовут всех мужиков, и пошла мирская сходка под пятки какому-нибудь из «кулаков»; пирует мир, продав зачастую последний кусок хлеба своих детей за рюмочки водки, да еще вдобавок, повредив своему организму» [3. Л. 108 об.]. Если герой бессилён изменить взрослых мужиков, то своих деревенских друзей, молодых парней, он может перевоспитать: «Я отлично понимал, ... что я могу только приложить старания к улучшению их положения в умственном отношении и повлиять в некоторой степени на их распущенную нравственность» [3. Л. 109 об.].

Герой обращает внимание на отношение сельской интеллигенции (детей духовенства, учителей, мелких чиновников) к удмуртскому языку. Выпускники Сосновского двухклассного училища, обучающие в школах детей удмуртов, сами отказываются разговаривать на удмуртском языке:

«– Да вот учитель из Нырошура никогда не будет говорить так, как ты, он хотя и вотяк, а повотски никогда не говорит.

– Где он учился?

– В селе Сосновке.

– Во второклассном училище, – добавила русская девушка. “А, понимаю, – думал я, – знаком я с этим типом учителей”.

– Он никогда с нами не говорит и всегда возвышается, а вот сам пред попом (священником) как зайчишка трусит..» [6. С. 183].

Герой характеризует знакомую учительницу, выпускницу Сосновского училища. Тоня «окончила только второклассное училище, следовательно, была без основательного образования» [6. С. 175]. Она не только обвиняет удмуртов в нечистоплотности («Почему так грязно живут эти крестьяне, а тем более вотяки?») [6. С. 175], но и противится просвещению крестьян: «Тогда все будут образованны, каждый будет на нашем уровне! Да как же это? Ведь тогда нас некому будет кормить: чернорабочих не будет!...» [6. С. 176].

В противоположность малообразованным учителям народных школ люди с «основательным» образованием проявляют интерес к изучению языка инородцев. Бывший семинарист Павел, русский по национальности, свободно разговаривает на удмуртском языке, и герой-рассказчик при удобном случае сообщает читателю этот примечательный факт: «Знаешь, что говорит вотская пословица: «Котькинлы сюлэм нянь уд сёты». Буквально перевести нельзя, а смысл передать можно: всех и каждого не удовлетворишь. Да ты сам понимаешь ведь вотский язык» [6. С. 162]. Автобиографический герой верит в силу всеобщего просвещения, необходимого для гуманизации общества.

Национальное ярко проявляется в художественной речи произведения. З.А. Богомолова отметила, что «для стилистической и языковой структуры повести характерно включение “удмуртизмов” – фраз, реплик, диалогов» [1. С. 105]. Удмуртский язык является средством характеристики героев. В повести на удмуртском языке говорят жители Игры и окрестных сел, реплики матери и сестер героя приводятся только на удмуртском языке.

Повествователь показывает уровень владения удмуртскими крестьянами русской письменной речью: «Любящий сын Митя! Письмо получили 22 декабря или карточку. Мы тебе послали три рубля получил или нет это нечево не сказано письме. После этого мы еще послали простое письмо и это не сказано. Уж парсез воштйм мумы парсен. Пуны парсёсты пурем понна присудить каризы 6 манет, еще 2 рубля не платили. Еще купили овецку из торгов за 4 руб. 5 коп. ... Борова сменили на матку. За то, что пес затравил свиней, присудили 6 рублей... (удм)» [6. С. 148].

Чем объяснить такой «билингвизм» удмуртского крестьянина? Возможно, «низким статусом» некоторых предметов разговора, а может быть, и желанием сохранить в секрете те или иные высказывания.

Интересно ответное письмо героя отцу. Семинарист пишет литературным стилем назидательное письмо неграмотному отцу-крестьянину, используя абстрактные понятия «аскетизм», «фанатизм», «жертва». После письма герой вводит в текст произведения специальную приписку: «Любез-

ный читатель сего письма, кто б ты ни был, но я прошу читать родителям пояснее, чтоб смысл письма не остался для них смутным и непонятным. А то в прошлый год часто случалось так, что не разбирали как следует и объясняли совершенно по-другому, вследствие чего выходили недоразумения и родители огорчались. 1910 г. 5-го января» [6. С. 149]. Видимо, семинаристу было важно показать свою ученость, выступить в качестве просветителя не только перед отцом, но и перед всеми грамотными людьми села, которым отец дает читать вслух письма сына.

Повествователь включает в повествование юмористические рассказы, главной темой которых является незнание удмуртами русского языка, что свидетельствует об их непросвещенности: ««Интересен один разказ того времени, – Из Ск-ской стороны проезжал через Кузей-луд некто вотяк Камай Симан. По-видимому он ехал в церковь в Ч. По дороге ему нашелся попутчик-русский. Он попросил Камаю, чтобы пустил его сесть в сани. Тот ничего не понимая, отвечает: «Садись!» – затем все время с криком повторял: «садись!». Русский не знает, что и делать. Камай стал наконец угрожать ему кнутом (вотское сюло). Тут уж русский понял, что Камай гонит его с саней, и, конечно, боясь расправы за непослушание, слез скорее. Так хорошо владели в то время вотяки русским языком!..» [3. Л. 5].

Приобщение к «цивилизации» ребенка-удмурта происходит своеобразно. В раннем детстве Митрей, еще не успевший побывать в школе, представляет ее помещение в виде удмуртского святилища: «Школа – это нечто наподобие нашего куа (вотской молельни) с таким же земляным полом и так же без окон; свет проникал через отпертую дверь да еще сквозь крышу просвечивало. На высоте одной сажени кругом по стенам имеются широкие полки, где сидят ученики... Иногда учитель среди ученья ленивых учеников и шаловливых заставлял слезать сверху по лестнице из палочек (паджа) вниз и ставит их на сыром холодном полу. При таком представлении школы я боялся ее» [3. Л. 14 об.]. Непривычные вещи мальчик воспринимает через знакомые реалии: «Минут через пять-шесть раздался сильный свисток вдали, произведший на меня впечатление мыканья коровы, затем послышалось и громыханье: тыкыр-тыкыр-тыкыр! – немного погодя показался выющийся дым из лесу и вдруг, как змея, вылетел оттуда самый поезд» [3. Л. 27 об.].

Все приведенные выше цитаты из повести, а также фрагменты, касающиеся межнациональных отношений, были изъяты из текста произведения цензурой, и отсутствуют в публикациях повести 1965, 1993 гг. Многие опубликованные части повести подвергались редактуре, иногда изменялся их смысл. С одной стороны, стилистическая правка была полезна, с другой – индивидуальный почерк писателя искажался.

По мнению З.А. Богомоловой, автор пишет на русском языке, думая при этом на удмуртском, «создается впечатление, что некоторые фразы он как бы переводит с удмуртского на русский язык» [1. С. 105].

Сравнение первой публикации 1965 г. и корректуры повести, опубликованной в журнале «Ин-вожо» в 1993 г., позволяет понять особенности стиля Кедр Митрея. Редакторы при подготовке первой публикации последовательно исправляли «удмуртский» синтаксис предложений на «русский». Например, предложение «На землю начинает падать роса и, ходя по траве, ноги мокнут» [6. С. 148] в публикации 1965 года исправлено следующим образом: «На землю начинает падать роса, и при ходьбе по траве ноги мокнут» [5. С. 157]. Если перевести это предложение на удмуртский язык, оно не будет вызывать нареканий: «Возь вылэ лысву усыны кутске но, турын пöлтй ветлыку, пыд котме». Значит, редакторы выправили его верно.

Другой пример: «Получая плохие отметки за устные ответы, меня и причислят к плохим ученикам» [3. С. 90]. Переведем предложение, заменив деепричастный оборот отглагольным существительным: «Ответъёсы понна урод оценкаос басьтэменым, монэ ляб дышетскисьёс пöлы пыртозы ай». Можно предположить, что ошибки в русских предложениях связаны с тем, что автор неосознанно пытался найти удмуртский аналог русским сложноподчиненным предложениям – невольно нивелируя значения отглагольных существительных и деепричастных оборотов. «Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков» отмечает, что «в удмуртском языке субъект действия в деепричастном обороте и глаголе-сказуемом, в отличие от русского языка, может быть разным. А в русском языке сочетания глаголов с деепричастиями возможны только в случае обозначения ими действия одного и того же лица» [2. С. 84].

В тексте повести часто встречаются наречия, образованные путем повтора одного слова. «При одном воспоминании тяжко-тяжко вздыхаешь» [6. С. 148]; «Мать, как услышала это, горько-прегорько расплакалась» [6. С. 167]. Как известно, в удмуртском языке синтаксический способ словообразования наречий является типичным (см.: [7]).

Отметим специфическую метафору в предложениях: «Луга, луга! Любил я бегать босиком по вашему цветному лицу, и, думаю, вы не сердитесь на меня, что попирал я вас ногами!» [б. С. 141]. Крестьянин олицетворяет окружающую его природу, а «цветное лицо» лугов, возможно, возникло по аналогии с устойчивым словосочетанием «гурезь бам» (рус. склон), которое буквально переводится как «лицо горы».

Проведенные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что автобиографическая повесть Кедра Митрея является национальным произведением не только по проблематике и характеру изображения быта удмуртского села начала XX в., но и по способу функционирования языка. Об этом свидетельствует обилие удмуртских слов и предложений, пословиц и поговорок в речи повествователя и героев. Грамматический строй удмуртского языка влияет на особенности употребления деепричастных оборотов и «авторского» словообразования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богомолова З.А. О годы юности, о сердца вдохновенья // Опаленный подвиг батыра / Сост. З.А. Богомолова. Ижевск: Удмуртия, 2003. С. 99–105.
2. Каракулова М.К., Каракулов Б.И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: учебное пособие. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2001. 227 с.
3. Кедра Митрей (Корепанов Д.И.). Автобиографическая повесть. Рукопись. 1911 года // Национальный музей УР им. К. Герда. Ед. хр. 41782/162-УРМ. 193 л.
4. Корепанов Д.И. Книга 2-я. Сборник тетрадей по арифметике, географии, естествоведению и алгебре, выписки из книг и стихотворения // Национальный музей им. К. Герда. Ед. хр. 27562/1-УРМ. 394 л.
5. Кедра Митрей. Избранное. Ижевск: Удмуртия, 1965. 200 с.
6. Кедра Митрей. Дитя большого века // Инвожо. 2005. № 9-10. С. 137-194.
7. Шибанов А.А. Наречия в удмуртском языке. Ижевск, 2012. 189 с.

Поступила в редакцию 21.04.15

L.A. Dmitrieva

«UDMURTISMS» IN A RUSSIAN-LANGUAGE NOVEL AS MARKERS OF ETHNIC THINKING OF ITS AUTHOR AND NARRATOR (BY THE EXAMPLE OF THE NOVEL "A CHILD OF THE SICK CENTURY" BY KEDRA MITREY)

In the autobiographical novel "A Child of the Sick Century" (1911) by Kedra Mitrey, the theme of the ethnic substratum is revealed by representatives of different social strata – by a peasant and a member of intelligentsia. The objectivity of the narration from the first person is created by the introduction of different points of view formulated by the autobiographical character in different genres - letters, diary entries, insert stories. The intellectual narrator sets himself against the peasantry, but his position combines the features of different worldviews, so the view of a man of traditional culture remains dominant.

Udmurt words, sentences and idioms are included in the speech of both the narrator and the characters. Patterns of the Udmurt language interfere with the Russian syntax and morphological derivation of the novel. The entire text of the novel has not been published yet, that is why its manuscript is lavishly cited.

Keywords: ethnic, enlightenment, speech characterization, artistic speech, "Udmurtisms", syntax, style, point of view.

Дмитриева Лариса Александровна
Удмуртский институт истории, языка и литературы
УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: ladamiri@mail.ru

Dmitrieva L.A.
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of Ural Branch of Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosova st., 4
E-mail: ladamiri@mail.ru